

ком Российскому государству не Российским правительством, а революционным правительством, смею думать, что полк. Ермолов говорит явную несуразицу, смысл коей ему самому не понятен! Предлагаю полк. Ермолову ответить на мой вопрос „Принесли ли Вы присягу Временному Правительству в 1917 году?“ Полк. Ермолов отвечает: „Да, принесил“. А. К. Ленинов: „Следовательно Вы изволили приносить присягу революционному правительству!“ Полк. Ермолов: „Нет я присягал России“. (Общий смех). А. К. Ленинов: „Вы изволите играть словами. По Вашему, Временное Правительство, которому присягала вся Россия, есть лишь революционное правительство, но отнюдь не российское правительство, большевицкий совет народных комиссаров представляет собой не российскую власть, но всего лишь советскую власть и т. д.“ Полк. Ермолов: „Да, именно, так я понимаю“. А. К. Ленинов: „Теперь и я Вас понимаю, по Вашему разумению Российским правительством может считаться лишь правительство монархического образа правления в России. Значит, казаки избиваются в данный момент большевиками, которые „отнюдь не русские люди“, Терский Атаман Караулов был убит революционными солдатами, но отнюдь не русскими солдатами Уфимской дружины и т. д. Довольно, г. полковник, вы говорите, не отдавая отчета себе в своих же же словах“...

А. К. Ленинов: Последнее заявление полк. Ермолова о том, что Донское Войско никогда не являлось самостоятельным государством, имеет характер явно искаженной правды. Учитывая это, я Вам заявляю публично, что Вы утверждаете явную неправду, пытаетесь всяческим способом воздействовать на казаков, с целью удержат их под своим влиянием. Жестоко ошибаетесь, ложь — негодное средство. Являются ли для Вас авторитетом труд проф. Сватикова „Россия и Дон“, труды Донской Исторической комиссии под редакцией В. А. Харламова, Н. М. Мельникова, П. А. Скачкова и т. д.? Полк. Ермолов: „Нет, подобные труды не являются для меня авторитетом, да я их и не читал, вследствие недостатка времени. Являются для меня авторитетом лишь исторические грамоты“. А. К. Ленинов: „Не верю Вам, что недостаток времени мешал Вам ознакомиться с указанными трудами, ибо Вы изволите излагать историю Донского Войска как раз по труду проф. Сватикова „Россия и Дон“, с тою лишь разницей, что то, что Вам лично нравится и приходится по вкусу, то Вы и предлагаете вниманию казаков, остальное же отбрасываете в сторону. Но помните, что труд проф. Сватикова разработан на основании первоисточников, т. е. исторических грамот, актов авторитет кои Вы признаете. И этот проф. Сватиков заявляет, что с „1549 года и по 1720-ые годы Дон являлся государством“. Авторитет проф. Сватикова, основанный на изучении исторических грамот и актов, подкреплен и заявлением Донской исторической комиссии (ведшей работы под наблюдением Донского Атамана ген. Богаевского) что комиссия считает своим долгом выразить искреннюю благодарность автору книги Сергею Григорьевичу Сватикову за его многолетние труды по изучению общественно-политической жизни Донского Казачества“. Более ничего не имею Вам говорить в этом отношении...

Относительно того, что „всякое государство, борясь за свою самобытность, стремится к расширению и укреплению своих границ“, подобное утверждение представляет собой типичную форму крайнего империализма, в данном случае Московского империализма, жертвой которого стало Донское государство в далеком прошлом.

Заканчивая свой ответ, А. К. Ленинов окончательно „доконал“ неудачное выступление полк. Ермолова. Так, А. К. Ленинов, отвечая на вопрос: „какое государство дает деньги казакам-самостийникам на ведение их работы“, поставил контр вопрос. Именно А. К. Ленинов, спросил, почему в 1918 году Всевеликое Войско Донское для защиты своей самостоятельности могло пользоваться помощью со стороны немцев, дававших орудия, винтовки, снаряды, патроны и т. д.; в 1919 году — помощью со стороны англичан и французов, дававших орудия, винтовки, снаряды, патроны, танки, аэропланы, обмундирование, продовольствие и т. д.

Основываясь на этом, вольные казаки, во имя спасения Казачества, считают для себя возможным искать помощи и у иных иностранцев.

На вопрос ст. Аржановска „каким путем и при каких обстоятельствах вольные казаки полагают возможным создать казачье государство — Казачию“, А. К. Ленинов дал обстоятельный ответ, основанный на детальном рассмотрении международной обстановки.

По окончании доклада, произведшего сильное впечатление на аудиторию, А. К. Ленинов был приветствуем лично многими казаками, заявившими о своем вхождении в ряды В. К. истинных казачьих патриотов, ведущих большую национальную работу по освобождению и возрождению Казачества.

Вслед за этим А. К. Ленинову от имени казаков было предложено пообедать с ними во французском ресторане, после чего он, сопровождаемый несколькими казаками, отбыл в автобусе в гор. Тулузу для доклада по приглашению Тулузской Вольно-казачьей станицы.

(Соб. кор.)

В Смедерево.

На Смедеревском фронте, как будто царит затишье. Вольно-казачью станицу оставили в покое. Но на самом деле противники не только вольных, но и вообще всего Казачества не могут успокоиться, а куют новые планы по порабощению казаков. Читатели уважаемого журнала еще раз узнают о происшедших в Смедерево. Когда казаки Смедеревской станицы, признав в-казачью идеологию, открыто выступили на свой казачий шлях, тогда же образовалась здесь и оппозиция во главе с полк. Гришиным (казакон не известно какой губ.) потомком славных Запорожцев подх. Х. Назаренко и пр. господами. Без большого труда им удалось образовать хутор при русской колонии во глав с атаманом ес. Пацапай. Цели и задачи хутора были ясны и определенны — борьба с казаками, стремящимися сорвать со своей шеи долговековой наростень. Но к их несчастью, получился „в хуторе“ раскол. Хотя казаки хутора переименованного в станицу, и называют себя „благоразумными“, но все же всецело попали под влияние колонии, которая превратила их в покорных слуг. На одном из совещаний в мае месяце с г. правления и членов в.-казачьей станицы появляется вдруг „благоразумный“, б. помощник ат. хутора Х. Назаренко, которому было разрешено поделиться мнениями, и он, ровно подсудимый, изливал свои раскаяния. Приводим здесь почти дословно его речи:

Да, мы поторопился раз'единиться, оно бы так не следовало. Я пошел в хутор для того, чтобы узнать, где же правда? И что же вижу? Многие члены колонии, имея службу, хорошее содержание и к тому же получают от державной комиссии пособие. Наш же один казак, с 4 детьми без работы, не может получить, потому что не Саратовской губ., а Саратовской станицы. Моему отцу, говорит дальше, колония потрудились перед державной комиссией уменьшить пособие с 250 д. на 100 д., но благодаря моим хлопотам перед комиссией все же пришлось добиться, что отец получает 200 динар. Так заботятся о нас русские люди и их колонии. Поэтому вы работайте и не верьте чужим, ибо как в сов. России, так и здесь стремление русских людей одно: уничтожить казачество. Там казачьи области перекашивают, казаков выселяют, а на их место населяют москвичей. Здесь работа москвичей та же самая. Смедеревская колония задалась целью влить в станицу „благоразумных казаков“ в свой состав и повела в этом направлении свою работу при помощи руководителей ст-цы гг. Гришина, Пацапая, Чуприны и др. Руководители настаивают, чтобы членские взносы всецело поступали в правление колонии. Я, говорит Назаренко, задаю им вопрос: платили ли наши станицы подать Москве? Отвечают, что нет. Ну, тогда и мы не будем платить в колонию, а только лишь в свою станицу. Таким образом на почве этого произошел раздор, выражение мне недоверия и всякого рода обвинения.

Подошло время перевыборов ст. правления, продолжает Назаренко. Атаман Пацапай, как сторонник колонии, желателен ей быть и в будущем атаманом.

Однажды наши руководители, говорит дальше Назаренко, собрались на квартире ес. Чуприны для подготовки к перевыборам, где присутствовали и члены колонии. Намечали кандидатуру ес. Пацапая, добавляет, что необходимо только Назаренко „посадить в хвосте“, а с остальными казаками мы справимся, ибо они полные „пустолобы“. Наступает день перевыборов. На собрание станицы приходит председатель колонии г. Чураков с некоторыми членами — конечно, не казаки. Атаман Пацапай самовольно оставляет за собою место председателя собрания. Всех членов станицы 28, присутствует 14 из которых 4 не казака. И здесь Пацапая помогают колонисты. Русские казаки хлопают ушами, но все же все гуртом выставляют кандидатуру. После намеченной кандидатуры производится баллотировка. Пускает шар председ. колонии г. Чураков и от кого то доверенность. За ним следует поручик Соколов, тоже с какой то доверенностью; их примеуу следуют и др. члены колонии. Большинство голосов получает Пацапай, в таком образом русская колония избирает для станицы атамана. После перевыборов, говорит Назаренко, я обращаюсь к Пацапаю с вопросом; знаком ли он с положением о станицах и хуторах, т. к. он сам за себя голосовал, но он отвечает косвенно. Обращаюсь после этого к г. Гришину и др. подаю протест на несправедливые перевыборы, т. к. иногородние не имеют права участвовать в выборах атамана. В помещении поднимается шум, упреки и все расходится по домам. Узнает наш Войск. Атаман, которому уже я донос об этом, и посмотрю, какие примет меры... Этими словами и закончи свою исповедь русский казак Назаренко.

Подумайте братья казаки, кому нужно верить? Ясно, что нужно верить своим, самим себе, не верьте чужим. Будем строить себе будущее только своими силами, верить чужим нельзя. Ибо за наши интересы никто не пожертвует сил и жизни, кроме нас самих.

(Соб. кор.)

В среде запорожцев.

Организация Союза Лицарив Ордена Залізного Хреста устраивала в субботу, 27 мая 1933 г., концерт-бал. Как бывшій на этом балу я, казак самостийник, в хощу поделиться своими впечатлениями как от вечера, так и от того внимания и сердечного отношения устроителей бала к нам, казакам самостийникам.

Надо отдать должное, что устроители подыскали для своего первого бала помещение, вполне удовлетворяющее самому изысканному требованию посетителей. Шикарная просторная зала, нижняя часть которого обставлена во вкусе требовательных в этих вопросах парижан: зеркальные стены, красиво очерченные, художественно отделанные карнизы, блестящие люстры. Среди украшений на одной из стен рельефно выделяется белый плакат с нарисованным на нем Черным Крестом — эмблемой союза. В каждом углу или под аркой замысловато расставлены столики с хитро расположенными на них и над ними маленькими едва заметными электрическими лампочками, так что при потухании громадных люстр, эти „светлячки“ как-то незаметно создают обстановку, так напоминающую тихую звездную украинскую ночь.

Громадный, на 500 мест, балкон, восточного стиля отделки, солидно повис над партером и... как будто и он с удовольствием любуется всем, что творится здесь: уют, красота, задушевность, веселье, песни и танец запорожцев. Можно, без греха солгать, сказать, что на половину здесь на балконе были казаки, пришедшие по любовному приглашению членов „Ордена“. Нельзя не отметить большого внимания, оказанного ими вольным казакам. Зная, что сейчас много безработных „Союз Лицарив Ордена Залізного Хреста“ предоставил многим из вольн. казаков билеты на бесплатное посещение их вечера. И это тем более важно, что они нашли возможным сделать так тогда, когда во все щели нашей жизни стучится кризис, когда многие из казаков уже забыли о том, как открываются двери театра или зала для танцев. А здесь хоть на один только вечер, пролетевший как минута, они могли веселиться, могли наслаждаться, могли хоть на короткий миг забыть горе и нужду в среде братьев запорожцев.

Не малое содействие оказала этому дружественному полету со стороны Союза Лицарив и другая украинская организация предместья Парижа (Бианкур) Украинское Товариство „Просвита“ в Бианкуре. Но еще большее впечатление производит возможность видеть и наблюдать, как две украинские организации, в некоторых вопросах несогласные между собою, находят возможным порой идти рука об руку, делая общее дело. Бал — небольшое дело, но... не все организации находят в себе необходимое для этого „небольшого“ общего дела мужество, где неволью, вне политики, люди сближаются, стараются взять и дать другим все для дружественного, братского, задушевного препровождения времени. А они это сделали — честь и хвала им.

Громаднейшая зала, до отказа наполненная украинцами, французами, итальянцами, вольными казаками, глухо шумит. Тушится свет и... под мерцание чуть заметных звездочек, тихо раздвигается занавес сцены. Публика замирает от восхищения: перед ее глазами чудная картина, со вкусом расставленной группы Запорожских казаков, человек с полсотни. Красочная одежда старого Запорожья, манера держаться, выправка, удалый вид — все это производит чарующее впечатление и заставляет только лишь молча любоваться и восхищаться ими. Но... одно мгновение, взмах руки дирижера и... полились для многих родные, так близкие, так понятные песни, а для других (иностранцев) — в словах непонятные, а в мелодии звука что-то нежное, чарующе-шекочущее, то как будто горе безпредельное слышат они в этих напевах, то тихий, радостный смех, то вдруг вырывается какая-то безграничная удаль...

Затем на сцене остается один бандурист, пан Емец, исколесивший всю Европу со своей бандурой. Его видеть и слышать удалось лишь благодаря стараниям старшин Ордена и любезности артиста — он здесь лишь на время своего номера, а отсюда прямо в дорогу. Никакие уговоры остались подольше, не помогли. На все доводы старшин полк. Дубовского и сот. Сопко он отвечал — „чем богат, тем и рад, а через три часа я еду в Америку“.

Трудно передать впечатление, произведенное им своей игрой. Кто из украинцев не любит бандуры, а в руках пана Емца она заставила и слезам показаться на глазах у многих при звуках о том, как „край веселый, богатый погубила „вража мати Катерина“. Кто из украинцев в эти минуты не был там с бандуристом... дома, у себя, на широких просторах Матери Украины, в Запорожье?

Лишь замолкает звук бандуры, как на смену несутся звуки струнного оркестра. Все как один — молодцы удалые, все в родных национальных украинских костюмах. Стройность и слаженность говорят за то, что пан Бахтин не даром поработал, а музыканты знают, что игра их уносит сердца и мысли многосотенной аудитории в далекие былые времена, где солнце так мило, где ветер ласкал ковыли, где была свобода Казачья.

То вдруг на сцену вылетают два бравых молодых запорожца Охмак и Рудык, захватски отделивая под звуки оркестра один из лихих запорожских танцев, где как будто и сабли их вместе с ними ожили и... то проскользит она между ног, то в воздух взвевается, то блещет между рук за спиной, то с визгом бряцнет об пол, то заблестит, изогнется над головой запорожца.

На смену ведет пан Гарко свою группу в редкис танце старой Сечи „Запорожский аркан“. Не берусь описывать его, но вызов на бис сам говорит за себя.

Танцоров смеяют пенцы, этих — музыканты, декламаторы. Одни сходят со сцены и садятся в оркестр, а эти уже царят в своих песнях над вниманием публики. Особенно поражены иностранцы — вот так запорожцы, вот так казаки: они и в оркестре, они и певцы, они и танцоры, они и чтецы-декламаторы. Каждый номер, каждое выступление вызывают дружные аплодисменты; переходящие в овацию при появлении на сцене цветисто разодетого в красивый запорожский костюм розового, чуть, лишь глазами, улыбающегося сына славного Запорожца, Владимира Стасевича. Десятилетний мальчуган, сын интеллигентной семьи ступил лишь вперед, был оглушен взрывом восторга громадной аудитории